

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.040-047
УДК 903.54

А.В. Табаров¹, А.Е. Патрушева², Н. Куэвас³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: olmec@yandex.ru

²Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: annaraft@yandex.ru

³Национальный музей Филиппин, Филиппины
National Museum of the Philippines
Padre Burgos Avenue, Rizal Park, Manila, 1000, Philippines
E-mail: cuevas@yahoo.com

Погребения в антропоморфных сосудах на территории Филиппин

В первой совместной статье российских и филиппинских археологов рассматривается один из уникальных локальных вариантов погребальной традиции на территории островной части Юго-Восточной Азии – погребения в антропоморфных сосудах в пещере Аюб (южная часть о-ва Минданао, Филиппины), которая исследовалась специалистами из Национального музея Филиппин в 1991–1992 гг. и предварительно датируется 500 г. до н.э. – 500 г. н.э. Особый интерес представляют крышки погребальных сосудов, выполненные в форме человеческих голов с портретной детализацией лиц, мимикой и раскраской. Материалы из пещеры Аюб позволяют интерпретировать памятник как некрополь местной племенной элиты, а сами керамические изделия связывать с развитыми «престижными технологиями» и специальной группой ремесленников-гончаров. Комплекс находит разнообразные аналогии в антропоморфной символике погребального инвентаря (керамические скульптуры, орнаментика и раскраска сосудов) позднего неолита – эпохи палеометалла на территории Филиппин (острова Лусон, Палаван, Негрос) и Индонезии (острова Сумба, Флорес, Бали), а также и в более широком круге древних культур тихоокеанского бассейна от Японского архипелага (дзёмон), Корейского полуострова (погребения раннего железного века) до островов Вануату (культура лапита). Эти аналогии позволяют усматривать истоки антропоморфной символики в австронезийской миграции, один из маршрутов которой моделируется специалистами из районов Южного Китая через Тайвань, северную часть Филиппин, Марианские острова и далее в Меланезию и Полинезию.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, Филиппины, пещера Аюб, палеометалл, погребения, антропоморфные сосуды, ритуал.

A.V. Tabarev¹, A.E. Patrusheva², and N. Cuevas³

¹Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: olmec@yandex.ru

²Novosibirsk State University,
Pirogova 1, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: annaraft@yandex.ru

³National Museum of the Philippines,
Padre Burgos Avenue, Rizal Park, Manila, 1000, Philippines
E-mail: cuevas@yahoo.com

Burials in Anthropomorphic Jars in the Philippines

The first joint study by Russian and Philippine archaeologists addresses an unusual variant of a burial tradition distributed in Island Southeast Asia – burials in anthropomorphic clay jars, found in Ayub Cave (southern Mindanao Island, Philippines), excavated by specialists from the National Museum of the Philippines in 1991–1992, and tentatively dated to 500 BC to 500 AD. Of special

interest are lids of jars shaped as painted human heads with individualized facial features and expressions. The finds suggest that Ayub Cave was a necropolis of the tribe elite, and that vessels were produced by a special group of potters using elaborate “prestige technologies”. The Ayub ceramic collection has various parallels relating to clay figurines and decoration including painting, among Late Neolithic and Early Metal Age assemblages from the Philippines (Luzon, Palawan, and Negros Islands), Indonesia (Sumba, Flores, and Bali Islands), and other regions of the Pacific Basin from Japan (Jomon) and Korea (Early Iron Age burials) to Vanuatu Islands (Lapita culture). These parallels suggest that the source of the anthropomorphic symbolism was the Austronesian migration with one of its routes passing from southern China via Taiwan, the northern Philippines, Mariana Islands, and further south to Melanesia and Polynesia.

Keywords: Southeast Asia, Philippines, Ayub Cave, Early Metal Age, burials, anthropomorphic jars, ritual.

Введение

Филиппины, наряду с Индонезией, Восточной Малайзией, Сингапуром, Брунеем и Восточным Тимором, входят в состав островной части Юго-Восточной Азии. Особенности динамики древних культур на островах Филиппинского архипелага определяются его географическим положением в пределах тропического пояса, а также разнонаправленными миграционными и технологическими импульсами с континентальных территорий Восточной и Юго-Восточной Азии.

В российских публикациях археология Филиппин до недавнего времени была лишь пунктирно отмечена в обобщающих работах «Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии» П.И. Борисковского [1971, с. 161–162] и «История Филиппин: краткий очерк» Ю.О. Левтоновой [1979, гл. I]; результаты археологического поиска и открытия последних 25–30 лет отечественным специалистам практически неизвестны. Ситуация начала существенно меняться в последние годы: наряду с общим взаимным интересом российской и филиппинской науки к сотрудничеству на уровне специальных соглашений и опций к реализации совместных проектов по линии национальных научных фондов* постепенно формируется и отдельная («филиппинская») тематика в публикациях российских археологов, включая авторов настоящей работы (напр.: [Табарев, Патрушева, 2018; Табарев, Иванова, Патрушева, 2017; и др.]).

Особый интерес вызывает разнообразие погребальных практик на островах Филиппинского архипелага. Среди них выделяется традиция погребений в сосудах. Первые версии об истоках этой традиции появились еще в середине XX в. Так, например, О. Бейер связывал ее появление на Филиппинских островах с миграциями из южных районов Китая через Батанские и Бабуянские острова на север о-ва Лусон на рубеже эр, а У. Сольхейм – с культурной диффузией с терри-

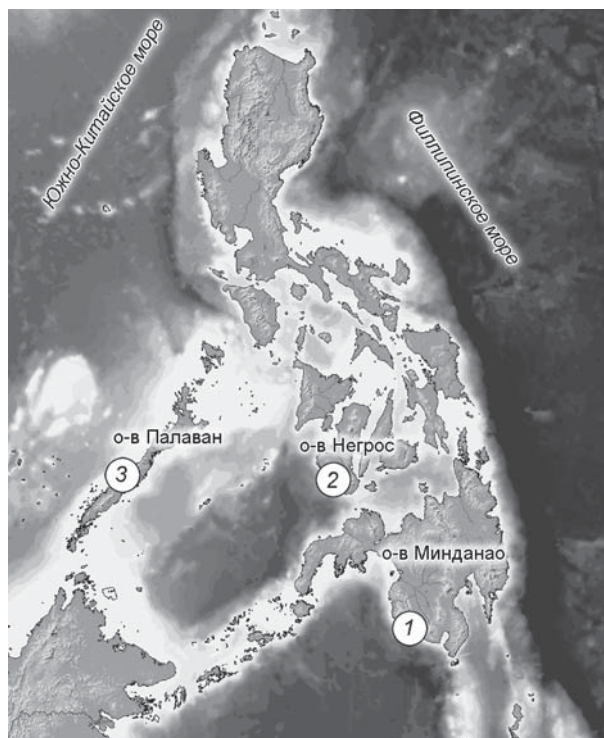

Рис. 1. Карта Филиппинского архипелага с обозначением местоположения основных памятников, упоминаемых в тексте.

1 – Пещера Аюб; 2 – Магсухот; 3 – Табон.

торий Индокитая, Таиланда и Малайского полуострова [Beyer, 1947; Solheim, 1970, 1973]. На сегодняшний день самые ранние проявления традиции погребений в сосудах зафиксированы в комплексах позднего неолита (ок. 3 тыс. л.н.), а отдельные элементы сохраняются вплоть до современности. С одной стороны, они вписываются в общую для всей Юго-Восточной Азии систему погребальных ритуалов неолита – эпохи палеометалла [Табарев, 2017; Bellwood, 1997, p. 202; 2017, p. 327; Bulbeck, 2017], а с другой – филиппинские комплексы демонстрируют ряд уникальных практик. В первую очередь, это касается погребений в антропоморфных сосудах в пещере Аюб на о-ве Минданао (рис. 1), которые датируются 500 г. до н.э. – 500 г. н.э.

Настоящая статья является фактически первым опытом совместной работы российских и филиппин-

*Например, в августе 2018 г. подписано первое в истории российско-филиппинских научных контактов соглашение о намерениях в области научно-технического сотрудничества между Российским фондом фундаментальных исследований и Министерством науки и технологий Республики Филиппины.

ских археологов. В ней погребения в сосудах из пещеры Аюб рассматриваются в рамках «антропоморфной» тематики в погребальных практиках островной части Юго-Восточной Азии, а также в более широком, тихоокеанском контексте.

Антропоморфные сосуды в погребальных комплексах острова Минданао, Филиппины

Остров Минданао (площадь чуть менее 100 тыс. км²) археологически изучен лишь на предварительном уровне. К числу наиболее ранних проектов относятся работы 1963–1964 и 1967 гг. под руководством М. Маседа на плато Куламан (пров. Султан-Кударат), во время которых проведены раскопки в нескольких пещерах и обнаружены серия погребальных керамических сосудов и урн из мягкого камня с останками погребенных, изделия из камня, раковин и несколько артефактов из металла [Maceda, 1964, 1967]. Особый интерес вызывают каменные урны с антропо- и зооморфными сюжетами (фигуры людей, ящеров, змей) (рис. 2).

В 1965–1966 гг. аспирант Университета Силиман С. Брионес посетил плато Куламан и отметил присутствие погребальных каменных урн и керамических сосудов в пещерах и гротах Салансанг [Briones, 1985–1986]. Вскоре после этого в 1967–1968 гг. американские специалисты Э. Курджак (Университет Майами) и К. Шелдон (Университет штата Орегон) провели дополнительные исследования в тех же районах и датировали фрагмент кости из погребения в сосуде (585 ± 85 лет н.э.) [Dizon, 1996, p. 195; Dizon, Santiago, 1996, p. 10; Kurjack, Sheldon, Keller, 1971, p. 127–128]. В конце 1970-х гг. У. Сольхейм, А. Легаспи и Д. Нери

опубликовали обзорную работу по археологии юго-восточной части Минданао [Solheim, Legaspi, Neri, 1979], после чего полевые исследования на острове прервались до начала 1990-х гг.

В середине 1991 г. появляются первые сведения о погребальных сосудах антропоморфной формы, найденных в большом количестве во время поисков «сокровищ»* в одной из некрупных пещер в пров. Южное Котобато. По словам Э. Дизона, ему удалось увидеть часть этих материалов, которые насчитывали 25 керамических изделий (крышек сосудов) в форме человеческих голов высотой от 7 до 14 см, диаметром от 6 до 12 см и толщиной 0,2–0,5 см [Dizon, 1996, p. 191]. Детали (уши, носы, губы) были выполнены в разной технике – в виде отдельных аппликаций или в единой скульптурной форме; часть изделий была раскрашена в красный и черный цвета; красный ангоб присутствовал также и на большинстве фрагментов самих сосудов.

Археологические раскопки в пещере, получившей название Аюб**, производились командой Национального музея Филиппин в 1991–1992 гг. Предвходовая часть пещеры имеет высоту ок. 3 м при ширине 5 м, внутренняя полость понижается от входа под углом 30° примерно на 8 м. «Искатели сокровищ» разрушили с помощью тяжелой техники предвходовую часть и выкопали шурфы во внутренней полости пещеры. Тем не менее археологам удалось обнаружить несколько квадратных метров непо потревоженного культурного слоя (рис. 3), где в ходе раскопок были найдены 29 практически полных сосудов с крышками в форме человеческих голов, а также ок. 20 крышек, восстанавливаемых из крупных частей, и более 100 различных фрагментов. По мнению филиппинских специалистов, в целом речь идет примерно о 200 антропоморфных крышках погребальных сосудов [Cuevas, Leon, 2008; Dizon, 1996, p. 191; Dizon, Santiago, 1996].

Примечательно, что лица керамических голов показывают различные эмоции – улыбки, печаль, скорбь, у некоторых детально проработаны приоткрытые рты, обозначены зубы, растянутые мочки ушей, четко просматривается раскраска на лбу и щеках (рис. 4). Характерные половые признаки, обозначенные на самих сосудах, позволяют

Рис. 2. Погребальные урны с антропоморфной символикой, плато Куламан (фото из архива авторов).

*Речь идет о поиске золотых слитков, спрятанных японскими военными во время Второй мировой войны.

**По имени одного из лидеров Фронта национального освобождения Моро (Moro National Liberation Front, MNLF), контролировавшего данную территорию.

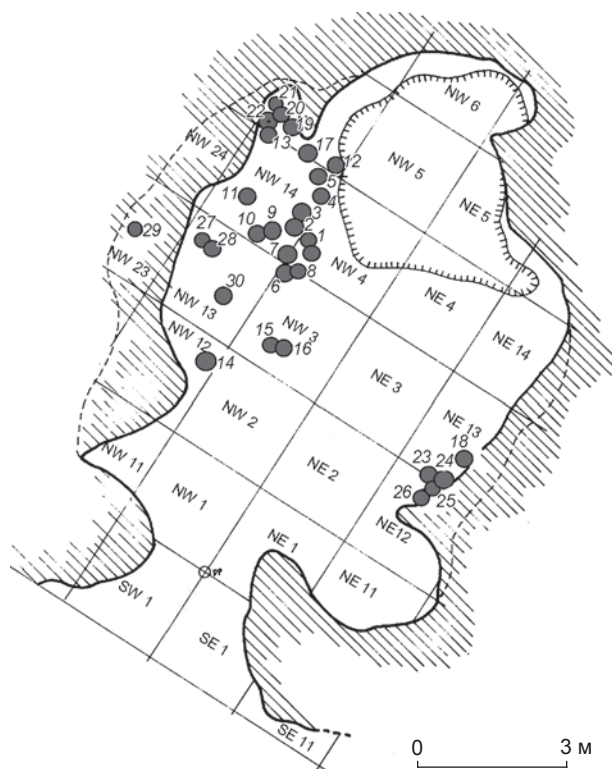
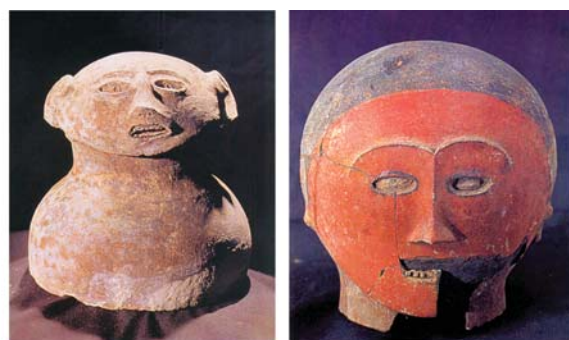

Рис. 3. Расположение погребальных урн, найденных при раскопках 1991–1992 гг. в пещере Аюб (адаптировано по: [Dizon, Santiago, 1996]).

выделять мужские и женские изображения (рис. 5). Таким образом, керамический сосуд не только служит погребальным контейнером, но и предоставляет определенную информацию о погребенном/погребенных.

Погребальные урны сопровождалась небольшими сосудами, раскрашенными в красный и черный цвета и декорированными отпечатками лопаточки, шнура, а также прочерченными геометрическими фигурами. В погребальном инвентаре присутствуют стеклянные и керамические бусинки, фрагменты керамических браслетов, украшений из раковин и несколько мелких железных пластинок.

Две радиоуглеродные даты – $1\,840 \pm 60$ л.н. (Beta-83315) и $1\,900 \pm 50$ л.н. (Beta-83316) [Dizon, Santiago, 1996, p. 109] – позволяют отнести функционирование некрополя в пещере Аюб к рубежу эр, времени, которое в археологической литературе по Юго-Восточной Азии определяется как эпоха палеометалла, а применительно к островной части – «период металла», поскольку бронза, железо и золото здесь появились практически одновременно. Количество памятников этого периода пока недостаточно для выделения на территории Филиппин полноценных «археологических культур», на данном этапе специалисты оперируют понятиями «комплекс» и «традиция» [Handbook..., 2017, p. 6–7].

1

2

3

4

5

6

Рис. 4. Антропоморфные крышки погребальных сосудов из пещеры Аюб (по: [Dizon, Santiago, 1996]).

1

2

Рис. 5. Погребальные сосуды из пещеры Аюб (по: [Dizon, Santiago, 1996]).

Антропоморфные сосуды из пещеры Аюб и ближайшие аналоги

В связи с частичной сохранностью комплекса в пещере Аюб, отсутствием данных по ДНК и детальным антропологическим определениям его интерпретация и этнокультурное соотношение с нынешним аборигенным населением Минданао носят предварительный характер. Примечательно также, что в соседней пещере Сагель, относящейся к тому же времени, антропоморфных погребальных сосудов нет. Кроме того, если в Аюб преобладают групповые погребения, то в Сагель – исключительно одиночные [Cuevas, Leon, 2008]. Все это указывает на вариативность дета-

лей погребального обряда в рамках единой традиции.

В то же время находки в пещере Аюб при всей своей яркой специфике, уникальности и локальном характере отражают и общие для островной части Юго-Восточной Азии антропоморфные сюжеты в погребальном инвентаре. Отметим наиболее яркие примеры в пределах Филиппин и Индонезии. Так, одно из наиболее древних проявлений антропоморфного сюжета было обнаружено в пещерном комплексе Табон (о-в Палаван, Филиппины), в «Зале А» [Fox, 1970, p. 109]. Речь идет о знаменитом погребальном сосуде «Манунгул». Его высота 66,5 см, максимальная ширина 51 см. Крышка сосуда увенчана скульптурной композицией, изображающей двух умерших, которые на ритуальной лодке перемещаются в мир мертвых (рис. 6). Погребальную урну сопровождали изделия из нефрита, агата и раковин, а также несколько мелких керамических сосудов. Для этого комплекса имеются даты 891 ± 80 (USLA-992A) и 711 ± 80 (USLA-992) лет до н.э., что для Филиппинского архипелага соответствует времени позднего неолита или перехода к палеометаллу [Табарев, Иванова, Патрушева, 2017].

Для периода палеометалла (металла) исключительно интересные материалы получены в 1974–1975 гг. при исследовании памятника Магсухот (южная часть о-ва Негрос, Филиппины) [Tenazas, 1974], где обнаружены обычные (одиночные) и два «сложных» погребальных комплекса. В одном из них на площадке 2×1 м, вымощенной плоскими фрагментами керамики, были установлены три крупных пустых погребальных сосуда, которые сопровождался набором из более чем 80 мелких керамических сосудов, антропоморфных и зооморфных скульптурок, погребением женщины и двух детей, а также одиночным каменным блоком массой ок. 500 кг. Особо следует отметить сосуд, изображающий беременную женщину (рис. 7, 1), а также сосуды с крышками

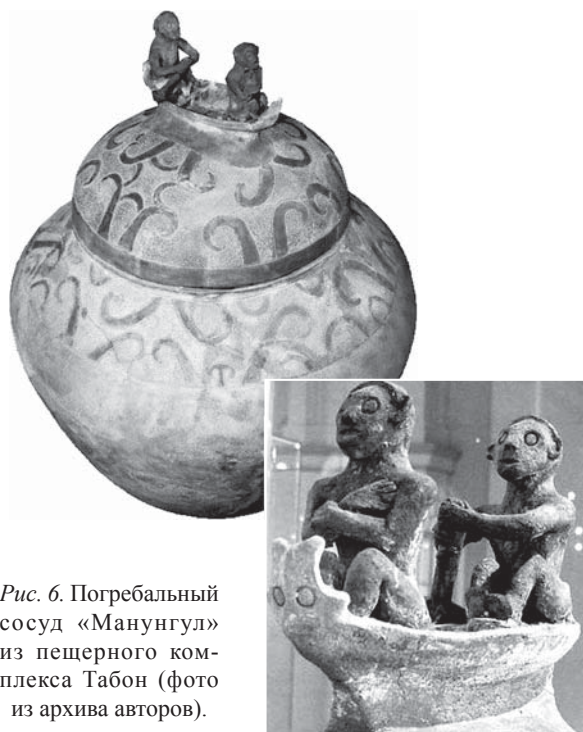

Рис. 6. Погребальный сосуд «Манунгул» из пещерного комплекса Табон (фото из архива авторов).

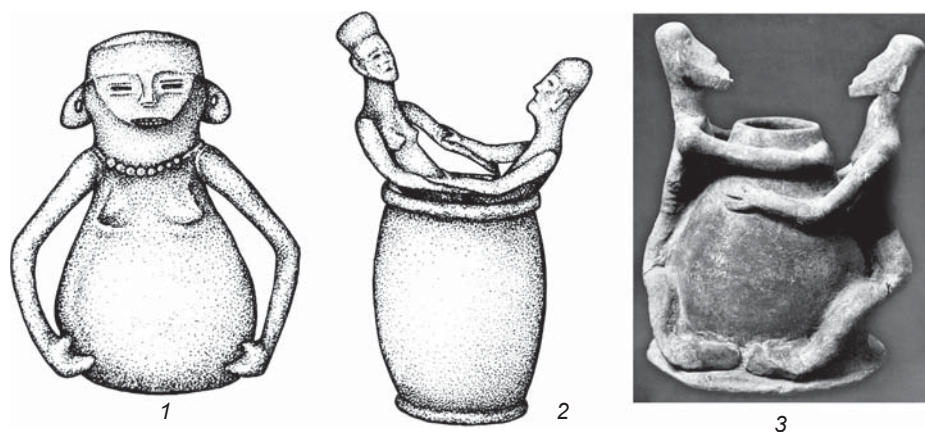

Рис. 7. Погребальные сосуды с памятника Магсухот (прорисовка Ю.В. Табаревой, фото из архива авторов).

в виде парной композиции из сидящих или стоящих фигурок (рис. 7, 2).

Отдельные керамические изделия с антропоморфной символикой известны и по другим филиппинским памятникам периода палеометалла (Лета-Лета, Баха, Каламаниуган, Калатаган и др.) (рис. 8, 1, 2). Не менее интересные аналогии прослеживаются на островах Индонезии. Так, например, внимания заслуживает памятник Пэйн Хака (восточная часть о-ва Флорес), где обнаружены 13 одиночных погребений (по большей части без черепа) в сосудах. Все, за исключением одного, сосуды представлены сферическими формами с красным ангобом, некоторые из них имеют прочерченный орнамент, в одном случае зафиксировано украшение верхней части тулова аппликациями в виде человеческих лиц (рис. 8, 3), в другом – изображением ящериц. Сопроводительный материал включает подпрямоугольные тесловидные орудия из камня и раковин, браслеты, бусины и подвески из раковин, шип морского ската. Изделия из металла в комплексе отсутствуют, радиоуглеродные даты определяют возраст некрополя в пределах 3 000 – 2 100 л.н. [Galipaud et al., 2016].

Не меньший интерес представляет и известная по целому ряду погребальных комплексов на островах Сумба, Ява и Флорес серия сосудов типа «кенди» в форме фляжек или чайников с рельефными или прочерченными контурами человеческих лиц [Heekeren, 1958, pl. 34] (рис. 9).

Заключение

Таким образом, комплекс в пещере Аюб (южная часть о-ва Минданао) является яркой иллюстрацией одной из локальных погребальных традиций как Филиппинского архипелага, так и всей островной части Юго-Восточной Азии. Анализ его материалов выводит исследователей на целую серию интересных сюжетов.

Во-первых, погребения в антропоморфных сосудах можно интерпретировать как статусные, а весь комплекс – как некрополь племенной элиты. В пользу «элитности» говорят погребальный инвентарь, «портретность» персонажей, сложность самого обряда и отсутствие данных об иных погребальных комплексах такой сложности в этой части о-ва Минданао [Barretto-Tesoro, 2003]. Изготовление сосудов подразумевает специальные навыки и группу специалистов-гончаров, работавших в формате «престижных технологий» [Табарев, 2008; Hayden, 1995].

Во-вторых, возникает вопрос, связана ли антропоморфная погребальная атрибутика исключительно с изделиями из керамики и, соответственно, со временем переноса неолитических технологий гончарства из континентальных частей Восточной и Юго-Восточ-

Рис. 8. Антропоморфные изображения из погребальных комплексов островной части Юго-Восточной Азии. 1 – Лета-Лета, о-в Палаван, Филиппины (по: [Dizon, Santiago, 1996]); 2 – Баха, о-в Лусон, Филиппины (прорисовка Ю.В. Табаревой); 3 – Пэйн Хака, о-в Флорес, Индонезия (по: [Galipaud et al., 2016]).

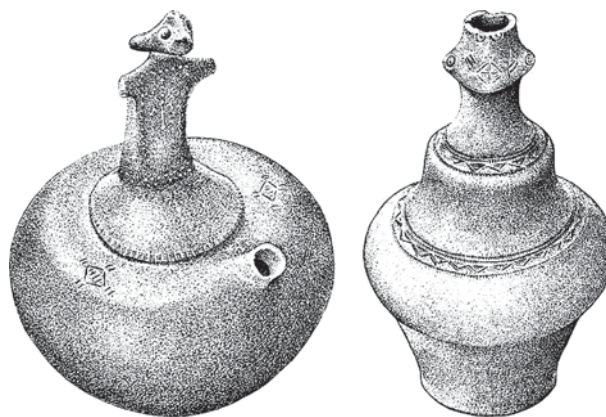

Рис. 9. Керамические сосуды типа «кенди», о-в Сумба, Индонезия (по: [Heekeren, 1958]).

ной Азии на островную ок. 4 тыс. л.н., или же ей могла предшествовать местная (донеолитическая) традиция изготовления фигурок, масок и амулетов из органических материалов. Для решения этой проблемы необходимы поиск и специальное изучение ранних погребальных комплексов (10–5 тыс. л.н.) на территории Малайзии, Филиппин и Индонезии.

В-третьих, актуальным является привлечение максимально широкого круга археологических и этнографических аналогий антропоморфной символике в пределах тихоокеанского бассейна. Наиболее ранние обнаруживаются в раннем и среднем периодах эпохи дзёмон (антропоморфные изображения «ша-

Рис. 10. Сосуд с изображением человеческого лица, высота 70,2 см. Культура яёй. Префектура Ибараки. Экспозиция Токійского национального музея (фото из архива авторов).

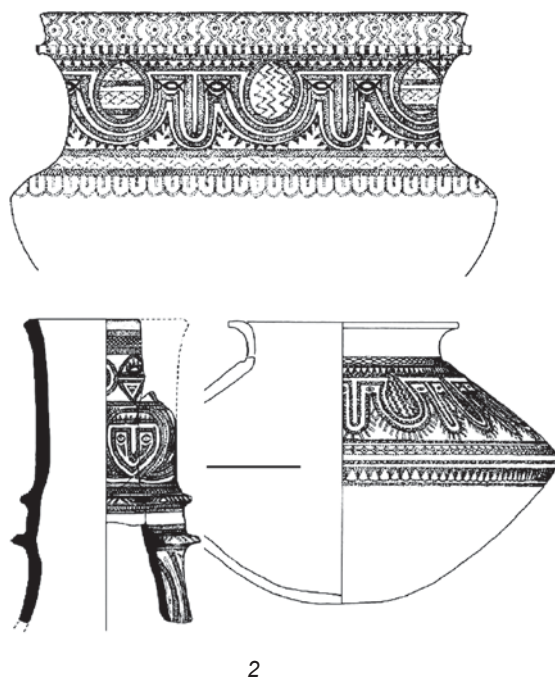
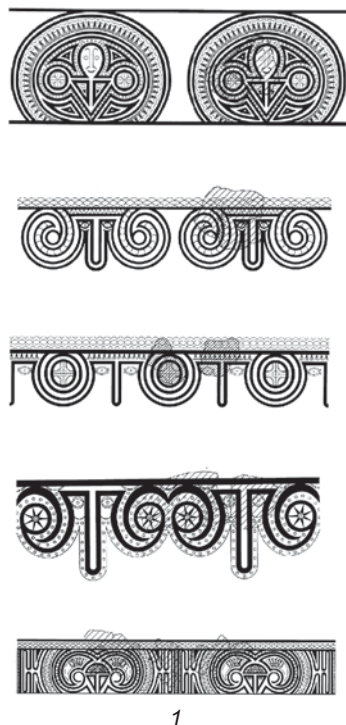

Рис. 11. Антропоморфная символика культуры лапита.
1 – варианты орнаментов на сосудах (по: [Spriggs, 1990]); 2 – сосуда из некрополя Теума, о-в Эфате, Вануату (по: [Ravn et al., 2016; Valentin et al., 2010]).

манов») и культуре яёй (стилизация верхней части сосудов в виде человеческой головы) (рис. 10) на Японском архипелаге [Соловьева, Табарев, 2013; Tabarev, 2017], а также в комплексах раннего железного века на Корейском полуострове, где парные погребальные сосуды интерпретируются как «тело человека» или «яйцо» [Riotto, 1995].

И наконец, важным событием культурогенеза для всего тихоокеанского бассейна является распространение носителей австронезийских языков из прибрежных районов Южного Китая через о-в Тайвань, северную часть Филиппинского архипелага, Марианские острова и далее в Океанию [Carson et al., 2013]. Одним из маркеров этой миграции служит красноокрашенная керамика со сложным прочерченным орнаментом, она становится и определяющим признаком археологических комплексов, зафиксированных на островах Полинезии, Меланезии и Микронезии и объединяемых в культуру (традицию) лапита (3,0–2,5 тыс. л.н.). Примечательно, что антропоморфная тематика (символическое изображение лиц) фиксируется уже на самой ранней керамике этой культуры, например, в погребениях некрополя Теума на о-ве Эфате, Вануату (3,0–2,8 тыс. л.н.) [Bedford, Spriggs, 2007; Ravn et al., 2016; Valentin et al., 2010], и сохраняется в различных модификациях на протя-

жении всего периода существования традиции лапита [Spriggs, 1990] (рис. 11), а также и в последующем полинезийском культурном пласте.

Благодарности

Авторы искренне признательны д-ру Э. Дизону (Национальный музей Филиппин, г. Манила) за помощь с литературой и информацией по раскопкам пещеры Аюб, а также графику Ю.В. Табаревой за подготовку иллюстративного материала к статье.

Список литературы

- Борисковский П.И.** Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. – Л.: Наука, 1971. – 174 с.
- Левтонова Ю.О.** История Филиппин: краткий очерк. – М.: Наука, 1979. – 296 с.
- Соловьева Е.А., Табарев А.В.** Керамическая посуда с антропоморфными сюжетами в древних культурах тихоокеанского бассейна: дзёмон (Япония) и илама (Колумбия) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 133–141.
- Табарев А.В.** Престижные технологии, промысловые ритуалы и комплексные общества эпохи камня, Дальний

Восток России // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: Человек и исторический ландшафт. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2008. – С. 218–224.

Табарев А.В. Традиция погребений в сосудах в островной части Юго-Восточной Азии: происхождение и ареальное подразделение // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXII. – С. 409–412.

Табарев А.В., Иванова Д.А., Патрушева А.Е. Древние культуры Филиппинского архипелага: ключевые сюжеты и проблематика исследований // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – № 2. – С. 54–57.

Табарев А.В., Патрушева А.Е. Неолит островной части Юго-Восточной Азии: особенности, гипотезы, дискуссии // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – № 1. – С. 165–179.

Barretto-Tesoro G. Burial Good in the Philippines: An Attempt to Quantify Prestige Values // Southeast Asian Studies. – 2003. – Vol. 41, N 3. – P. 299–315.

Bedford S., Spriggs M. Birds on the Rim: A Unique Lapita Carinated Vessel in Its Wider Context // Archaeology in Oceania. – 2007. – Vol. 42, N 1. – P. 12–21.

Bellwood P. Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1997. – 384 p.

Bellwood P. First Islanders: Prehistory and Human Migration in Island Southeast Asia. – Victoria: Wiley-Blackwell, 2017. – 384 p.

Beyer H.O. Outline Review of Philippines Archaeology by Islands and Provinces // Philipp. J. of Sci. – 1947. – Vol. 77. – P. 205–374.

Briones S.M. The Late Neolithic – Early Iron Age Limestone Secondary Jar Burial Complex in the Caves of Salangang, Lebak, Sultan Kudarat, Philippines and Its Implications in the Chronology of Southeast Asia // Ancient Nepal: J. of the Department of Archaeology. – 1985–1986. – N 91. – P. 16–20.

Bulbeck D. Traditions of Jars as Mortuary Containers in the Indo-Malaysian Archipelago // Terra Australis. – 2017. – Vol. 45. – P. 141–164.

Carson M.T., Hung H., Summerhayes G., Bellwood P. The Pottery Trail from Southeast Asia to Remote Oceania // J. of Island and Coastal Archaeology. – 2013. – N 1. – P. 17–36.

Cuevas N., Leon A., de. Archaeological Investigation of Sagel Cave at Maitum, Sarangani Province, Southern Mindanao, Philippines // Hukay. – 2008. – Vol. 13. – P. 1–24.

Dizon E.Z. The Anthropomorphic Pottery from Ayub Cave, Pinol, Maitum, South Cotabato, Mindanao, Philippines // Indo-Pacific Prehistory Association. – 1996. – Bull. 14. – P. 186–196.

Dizon E.Z., Santiago R.A. Faces from Maitum. The Archaeological Excavation of Ayub Cave. – Manila: The National Museum of the Philippines, 1996. – 121 p.

Fox R. The Tabon Caves // Monographs of the National Museum. – Manila: National Museum. – 1970. – Vol. 1. – 197 p.

Galipaud J.-C., Kinaston R., Halcrow S., Foster A., Harris N., Simanjuntak T., Javelle J., Buckley H. The Pain Haka Burial Ground on Flores: Indonesian evidence for a shared Neolithic belief system in Southeast Asia // Antiquity. – 2016. – Vol. 90. – P. 1505–1521.

Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. – N. Y.: Springer-Verlag, 2017. – 771 p.

Hayden D. The Emergence of Prestige Technologies and Pottery // The Emergence of Pottery. – Wash.: Smithsonian Institution Press, 1995. – P. 257–266.

Heekeren H.R., Van. The Bronze-Iron Age of Indonesia. – 's-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1958. – 108 p. – (Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde; vol. 22).

Kurjack E.B., Sheldon C.T., Keller M.E. The Urn Burial Caves of Southern Cotabato, Mindanao, Philippines // Siliman J. – 1971. – Vol. 18, N 2. – P. 127–153.

Maceda M.N. Preliminary Report on Ethnographic and Archaeological Field Work in the Kulaman Plateau (Cotabato), Island of Mindanao, Philippines // Anthropos. – 1964. – Vol. 59. – P. 75–82.

Maceda M.N. Preliminary Studies of the Figures and Ornamentation of Some Selected Jar Covers from Kulaman Plateau (Southwestern Cotabato), Island of Mindanao, Philippines // Anthropos. – 1967. – N 3/4. – P. 509–532.

Ravn M., Bedford S., Spriggs M., Hawkins S., Philip I., Valentine F. Pottery Spatial Patterns at the Lapita Site of Teuma, Central Vanuatu: Some Preliminary Refitting Results // Les Séances de la Société Préhistorique française. – 2016. – N 7. – P. 163–176.

Riotto M. Jar-Burials in Korea and Their Implications // Korea J. – 1995. – Vol. 35, N 3. – P. 40–53.

Solheim W.G., II. Prehistoric Archaeology in Eastern Mainland Southeast Asia and the Philippines // Asian Perspectives. – 1970. – Vol. XIII. – P. 47–58.

Solheim W.G., II. Remarks on the Prehistory of Sabah and Southeast Asian Archaeology // Borneo Res. Bull. – 1973. – Vol. 5, N 1. – P. 3–6.

Solheim W.G., II., Legaspi A.M., Neri J.S. Archaeological Survey in Southeastern Mindanao. – Manila: National Museum of the Philippines; [Manoa]: University of Hawaii, 1979. – 161 p. – (Monograph / National Museum of the Philippines; N 8).

Spriggs M. The changing face of Lapita: transformation of a design // Lapita Design, Form and Composition: Proceedings of the Lapita Design Workshop, Canberra, Australia, December, 1988. – Canberra: The Australian National University, 1990. – P. 83–122.

Tabarev A.V. Dancing Shamans, Snakes and Drugs: On the Similar Motives in the Art of Ancient Cultures of the Far East and Northern Andes // Intern. J. of South American Archaeology. – 2017. – N 10. – P. 35–39.

Tenazas R.C.P. A Progress Report on the Mugsuhot Excavations in Bacong, Negros Oriental, Summer 1974 // Philippine Quarterly of Culture and Society. – 1974. – Vol. 2, N 3. – P. 133–155.

Valentin F., Bedford S., Buckley H., Spriggs M. Lapita Burial Practices: Evidence for Complex Body and Bone Treatment at the Teouma Cemetery, Vanuatu, Southwest Pacific // J. of Island and Coastal Archaeology. – 2010. – N 5. – P. 212–235.

Материал поступил в редколлегию 10.12.18 г.,
в окончательном варианте – 07.02.19 г.